

Belle Lettres

anne-Gaëlle
Yvon
Les Demoiselles
Бестселлер
во Франции
Лауреат премии
Culture Press 2021

Палома

Анн-Гаэль Юон

Анн-Гаэль Юон

Палома

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69692215

Палома: Альпина Паблишер; Москва; 2024

ISBN 9785961492347

Аннотация

Испания, деревушка Фаго, 1920-е годы. Каждый год молодые девушки уходят на сезонные заработки во Францию, пересекая границу пешком по крутым склонам Пиренейских гор. Юная Роза отправляется в это опасное путешествие с одной лишь целью: устроиться на обувную фабрику по пошиву эспадрилий во французском городке Молеон. Новая жизнь станет для нее настоящим испытанием, пока судьба не приведет ее в дом удивительных женщин – экстравагантных парижанок, ценящих свободу и шикарные наряды. Они помогут раскрыться ее талантам, подарят дружбу и поддержку, столь необходимые в мире, где всем заправляют мужчины. Этот роман искрится, как шампанское, погружая читателя в атмосферу беспечных межвоенных лет – эпоху Чарли Чаплина, Коко Шанель и безудержного джаза.

Но, несмотря на драгоценности, деньги, славу, сестра так и не простила меня. За то, что выбрали меня. За то, что спасли меня. Любовь не исключает ненависти, Палома.

Особенности

Дизайнерская бумага, высокое качество печати.

Лиз, я в жизни не видела ничего прекраснее, чем эти две женщины в гостиной. Эта сцена напоминала картину какого-то великого художника. Каждая деталь композиции казалась тщательно продуманной. Ткани, формы, оттенки. Все перекликалось друг с другом в удивительной гармонии. Румянец на щеках был отражением пламени в камине. Зеленые глаза Колеетт светились перламутровым блеском, как нитка жемчуга на шее королевы.

Содержание

1	12
2	15
3	18
4	26
5	27
6	28
7	30
8	34
9	37
10	40
11	44
12	48
13	52
14	56
15	60
16	63
17	65
18	73
19	78
20	80
21	85
22	89
23	93

Анн-Гаэль Юон

Палома

Переводчик *Елена Рубцова*

Редактор *Екатерина Иванкевич*

Главный редактор *Яна Грецова*

Заместитель главного редактора *Дарья Петушкова*

Руководитель проекта *Елена Кунина*

Арт-директор *Ю. Буга*

Дизайнер *Денис Изотов*

Корректоры *Мари Стимбирис, Анна Кондратова*

Верстка *М. Поташкин*

Разработка дизайн-системы и стандартов стиля

Design Workout[®]

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от то-

го, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Editions Albin Michel 2020

International Rights Management: Susanna Lea Associates

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина Паблишер», 2024

* * *

ANNE-GAËLLE HUON
Les Demoiselles

Belles

nrf

GALLIMARD

Анн-Гаэль Юон
Палома

Роман

Перевод с французского

Lettres

BELLES LETTRES

Москва, 2024

Моей матери

Я верю в розовый цвет. Я верю в то, что лучший способ сжигания калорий – это смех. Я верю в поцелуи, много поцелуев. Я верю в то, что нужно быть сильной, когда кажется, что все идет не так. Я верю в то, что счастливые девушки – самые красивые. Я верю в то, что завтра будет новый день, и я верю в чудеса.

Одри Хепберн

1

Молеон, наши дни.

На твой портрет я наткнулась в газете. У меня перехватило дыхание.

Это произошло в парикмахерской – вокруг болтали посетительницы, гудели фены. А я рассматривала твою фотографию, держа газету в дрожащих руках. Поварской колпак. Фартук. Мое сердце бешено колотилось, казалось, оно сейчас разорвется. Твой взгляд, твоя улыбка. Какой же ты стала красавицей!

«Лиз Клермон, любимый шеф-повар французов!»

Я проглотила интервью одним махом, не дыша. И тут же начала перечитывать, желая убедиться, что это правда. Журналистка осыпала тебя похвалами. Речь шла о твоём участии в жюри телеконкурса «Колпак шеф-повара». Судя по её словам, я была единственной, кто не смотрел эту передачу. Правда, у меня и телевизора-то нет. Что ж, сначала ты покорила наши сердца, а теперь стала настоящей знаменитостью.

Сидя с бигуди на голове, я плакала.

Последний раз я видела тебя перед домом мадемуазелей. Четырёхлетняя девочка с плюшевым мишкой в руках. Я помню все так, будто это было вчера: твое заплаканное личико за окном автомобиля, увозящего тебя прочь... Тогда внутри меня что-то оборвалось.

До сегодняшнего дня я не знала, что с тобой стало. Улучив момент, когда парикмахер отвернется, я вырвала из газеты страницу.

Потом были долгие ночи без сна. Мне вспоминался твой смех, наши поездки на баскское побережье, твои песенки, поцелуи на ночь. И твоя маленькая ручка в моей руке.

Я так скучала по тебе, моя Лиз.

Наверное, тебя удивит моя фамильярность. Полагаю, ты ничего этого не помнишь. И уж точно не помнишь меня.

Сидя в одиночестве на кухне, я задавала свои вопросы луне. Что ты знаешь о своем происхождении? Нужно ли тебе рассказать? Или лучше схранить все это в дальнем уголке моей памяти? Что бы ты сказала, узнав правду?

Я подумывала сесть на поезд до Парижа. Представляла, как пошла бы обедать в твой ресторан и, может быть, даже осмелилась бы поздороваться с тобой. Но потом я отказалась от этой идеи. Что может быть общего у такой знаменитости, как ты, со старухой вроде меня?

Мое имя тебе ни о чем не скажет. Мое лицо и подавно.

Эти вопросы не дают мне покоя, и нет никого, кто помог бы найти на них ответы. Вот она, драма старости: мы остаемся один на один со своими сомнениями, а звезды не слишком-то разговорчивы. Поэтому сегодня вечером я решила написать тебе. Рассказать свою историю, которая отчасти и твоя. Не потому, что я стара. Не потому, что кроме меня уже больше некому. Не ради истины. Но во имя неж-

ности и мужества.

Мадемуазели бы тобой гордились.

2

Все началось, когда мне было пятнадцать лет.

Все, что произошло в моей жизни, стало возможным благодаря Альме. Она – начало всего. И конец тоже. Альма – моя сестра, на год старше меня. Большие карие глаза, заразительный смех, губки-ягодки. Я же была худой, смуглой, с глазами олененка и вечно спутанными волосами. Сказать, что Альма была для меня всем, а я была всем для нее, – ничего не сказать. Она была мне не просто сестрой. Она была моим солнцем. А также луной, звездами и всеми планетами, вместе взятыми.

Мы жили в испанской деревушке в самом сердце Пиренеев. Забытый Богом уголок, о котором ты, Лиз, наверное, никогда не слышала, – и мало что потеряла. Пара продуваемых ветром мощеных улочек, крыши с крутыми скатами и мрачная церковь – больше в Фаго не было ничего. Жители стремились оттуда уехать. Но куда? И с чем? Деревенским девушкам удавалось вырваться оттуда на зиму. На языке у них было только одно слово: Молеон. Все они ждали осени, чтобы отправиться во Францию на фабрику по изготовлению эспадрилий. Пешком перебраться через горы и провести зиму в Стране Басков, чтобы заработать немного денег. Стать «ласточкой», как называли тогда сезонных работниц из Испании, и рискнуть жизнью ради узелка с приданым.

Нам с сестрой подобные мысли никогда не приходили в голову. Мы мечтали о приключениях, но к такому долгому и опасному путешествию были не готовы. Я хромала из-за перенесенной в детстве болезни. Что мне было делать в горах с больной ногой? И как оставить бабушку? Нашу Абуэлу. Она вырастила нас, окутала своей любовью и нежностью. Бабушка работала прачкой в гостинице в соседней деревне. Пока она стирала, нам удавалось что-нибудь перехватить на кухне. Мы с сестрой были лишены многого, но только не любви.

Фаго – это был совсем другой мир, Лиз. Бедный мир, но он наш. Я и представить себе не могла, что уеду оттуда. Но когда Абуэла заболела, у нас не осталось выбора. Она хотела отправить меня к своему брату. Альма могла бы устроиться горничной. Расстаться с Альмой? Эта мысль наводила на меня ужас. Моя семья состояла из больной бабушки и сестры. Как жить без них?

И вот однажды вечером я выдвинула эту безумную идею. Там, за горами – Франция. Мастерские по изготовлению эспадрилий и возможность заработать деньги на лечение Абуэлы. Мы позаботимся о ней, как она всегда заботилась о нас. Мы вернемся весной с деньгами, которых хватит до следующего года. А там будет видно.

Простой план. Заманчивый. И рискованный.

Альма колебалась. Говорила, что Франция далеко, дорога туда опасна. Не лучше ли остаться с Абуэлой? Я настаивала.

Шесть месяцев пролетят быстро, что мы теряем? Впереди нас ожидали свобода, легкие деньги и приключения! Рассказывали, что в Молеоне по воскресеньям на площади устраивают танцы, а французы просто красавцы. Конечно, у нас не было ничего общего с теми девушками, что отправлялись за кружевами для своего приданого, но мы будем вместе, так что бояться нечего.

Мой энтузиазм взял верх над сомнениями сестры. Ради меня Альма была готова на все. Вот как мы решились на путешествие во Францию, Лиз. Так все и началось.

3

Шел 1923 год. Первые дни октября принесли с собой морозный воздух. Девушек собралось не более десяти – все в черном, обутые в эспадрильи, с длинными косами, перекинутыми на грудь и перетянутыми темными лентами. Большинство из них отправлялось в путь впервые. Самой старшей, Кармен, исполнилось семнадцать, и для нее это было уже третье путешествие. Все, что нам было известно о Молеоне, мы узнали от нее. В прошлом году Кармен привезла оттуда простыни, кружева и фарфоровый сервиз. Достаточно, чтобы у всех ее подруг заблестели глаза. Ее широкие бедра и полная грудь резко выделялись на фоне худеньких фигур совсем юных девушек, кутавшихся в свои пальто.

Наше появление вызвало ропот и хмурые взгляды. Нам были не очень-то рады. Деревенские девушки нас не любили, но здесь всем заправляла Кармен. Она приветственно кивнула нам, чем заставила всех замолчать. Ее мать когда-то дружила с нашей. Может быть, та попросила свою дочь приглядеть за нами?

– Будет холодно, – только и сказала Кармен.

Рядом с девушками стоял, опираясь на палку, молодой человек в черной шляпе.

– В путь! Нельзя терять времени, – заявил он и, схватив веревку, которой был привязан мул, зашагал по дороге. Вда-

ли, за горами, в светлеющем небе разгорался рассвет.

Девушки начали петь. Мои мысли устремились в Молеон. Накануне я поделилась нашими планами с учительницей. Она обеспокоенно нахмурилась: неужели нет другого решения? А потом грустно, понимающе улыбнулась. Последний день занятий вместо задач и диктантов она посвятила молитвам.

– Господи, защити Розу и Альму там, за горами, и сделай так, чтобы они к нам вернулись.

Наша группа обогнула кальверы и вошла в долину Ронкаль. Деревни у подножия гор были окутаны туманом. По дороге к нам присоединились несколько девушек из близлежащих деревень, иногда в сопровождении брата или отца. Разговоры становились все тише и тише. Перед нами простирался лес.

Густой воздух. Замерзшая земля. Пугающие тени. Я боялась волков, диких зверей, но твердо решила не показывать страх. Стиснула зубы. Ведь эта экспедиция была моей идеей.

Мы начали подъем в гору. Идти пришлось по мокрым и скользким камням, с громоздкой поклажей. У меня в узелке было немного стручковой фасоли. У сестры – три килограмма белой фасоли и козье мясо. На руке у нее висела небольшая деревянная скамеечка, которая служила нам сиденьем во время остановок.

Я изо всех сил старалась не отставать. Тащила свою большую ногу, словно ядро на цепи. Но все же время от време-

ни я ловила на себе обеспокоенный взгляд Альмы. И тогда я удваивала усилия, пытаюсь держаться в начале процессии. Так впереди меня оказался он.

Паскуаль.

Я внимательно рассматривала его широкие плечи, темные волосы на затылке. Когда он обернулся, проверяя, не отстала ли группа, мое сердце забилося быстрее. От изгиба губ до светло-зеленых глаз, от изящных рук до точеных скул – все в этом юноше, казалось, было создано каким-то божеством, ценителем красоты и идеальных пропорций. Альма и Кармен захихикали. Покраснев, я еще прибавила скорости и обогнала молодого пастуха, чтобы оставить их позади.

Так проходили долгие часы. Дубовые леса сменялись долинами и возвышенностями, щебетали ласточки. Уставшие, иногда они останавливались, усаживались на скамеечки группами по четыре–пять человек и отдыхали. Мыслями все были далеко, по ту сторону гор, где их уже ждали чудесные подарки и кружева, – Молеон был их маяком в ночи. В один из таких привалов Альма, Кармен и я оказались рядом с Паскуалем. От усталости мы валились с ног. Даже моя сестра приумолкла.

– Хочешь?

Он протянул мне полупустую кожаную флягу. Едва я надавила на нее, как струя едкой жидкости брызнула мне в рот. Хоть вино и обжигало гортань, я была рада, что Паскуаль обращается со мной как с взрослой. Я села на скамеечку и в

подсознательном порыве кокетства спрятала большую ногу под платье.

Мы смотрели на тяжелое небо, обезглавившее Пиренеи. Этот горный пейзаж окружал меня с рождения, но никогда не надоедал. К запахам земли, листьев и камня, примешивался сладковатый аромат нигрителлы. Набравшись храбрости, я задала Паскуалю вопрос, который прозвучал строже, чем мне хотелось:

– А ты куда направляешься?

– В Аргентину.

Он достал перочинный нож, отрезал кусок манчего и протянул его мне – плотный и нежный, с орехово-сливочным вкусом. В животе у меня заурчало от голода. Я позволила сыру растаять на языке. В семье Паскуаля было девять мальчиков. Работников хватало, а вот денег – нет. Но на военную службу никто не стремился. Пастухи сотнями отправлялись на заработки в Америку. Будущие богатые дядюшки.

– Я дойду с вами до Франции, а потом отправлюсь на побережье.

Мысли о море придали его глазам особый блеск. Паскуалю исполнилось двадцать лет, он уже был мужчиной. Самым красивым парнем, которого я когда-либо видела. Хотя в то время я видела их не так уж много.

В воздухе аромат елей сменился запахом дрока. В небе над нашими головами медленно кружил стервятник.

– Надо идти, – бросил Паскуаль.

Мы снова двинулись в путь. Дорога была покрыта льдом, а чуть выше и вовсе исчезла под грудой снега. Я шла молча, прислушиваясь к разговорам старших, как вдруг моя хромая, плохо обутая нога заскользила по каменистому склону. Паскуаль поймал меня на лету.

– Осторожней! Здесь опасно!

Тепло его руки ненадолго задержалось на моем рукаве. Я задрожала. Перед нами лежало ущелье. Широкую зияющую пропасть пересекал подвесной мост.

– Мост через преисподнюю... – пробормотала Альма, вцепившись в мою руку.

Ходили слухи, что в этом лесу живут эльфы. Абуэла рассказывала нам с сестрой всякие легенды, так что мы, задув свечу, еще долго не могли заснуть. В моем воображении промелькнула череда диковинных сказочных существ. Мне слышался вой, казалось, в кустах кто-то шевелится.

– Не смотри вниз, – шепнула мне Альма.

Я, конечно, тут же ее послушалась. И закричала. Ущелье выглядело бездонным. Его пустота манила.

Какой-то звук вывел меня из ступора. На другой стороне моста появились несколько человек, кто-то из них держал в руке зажженный фонарь. Трое мужчин и сгорбленная женщина – крошечный силуэт на фоне лесной зелени. У нее была странная шаркающая походка. Когда она подошла ближе, я разглядела растрепанные волосы и неподвижную руку, которую она крепко прижимала к груди, словно ребенка.

Женщина остановилась и пристально оглядела каждую из нас. Вдруг ее рот перекосялся в отвратительной гримасе, она указала на мою сестру и завизжала. Я вздрогнула, ласточки замерли в ужасе. Мы все сбились в кучку, мост закачался. – Ну же! – крикнул Паскуаль с другой стороны.

Я в панике поспешила к нему. Эта ведьма была достойна всех сказок Абуэлы. По сей день я не могу забыть ее лицо.

Ночь мягко опускалась на горы. Мы шли и шли. Настанет ли когда-нибудь конец этому путешествию? Ни в чем уже не было уверенности. Путь до Молеона занимает два дня. Прошли ли мы уже хотя бы половину? Я едва стояла на ногах, руки болели. Ступни стерлись в кровь, я была не в силах идти дальше. И тут один из мужчин, шедших впереди, свистнул. На крыльце одинокой хижины блеснул свет. Горный приют. Наконец-то можно отдохнуть.

Мы провели в дороге почти двенадцать часов. Отцы и братья девушек повернули назад, забрав с собой мулов. Дальше они бы не прошли. Несколько слезинок, никаких объятий. Лишь рука на плече, кивок с пожеланием удачи. Граница была совсем рядом. Мы съели на ужин немного фасоли, после чего свернулись калачиком под шерстяными одеялами в ожидании рассвета.

С первыми лучами солнца мы были уже на ногах. Недостаток сна оставил свой отпечаток на наших лицах. Только Альма с ее жизнерадостной улыбкой не подавала признаков усталости.

– К вечеру мы будем в Молеоне, – прошептала она, беря меня за руку. – Абуэла будет нами гордиться!

Название этого города яркими буквами светилось в ее воображении. Энтузиазм Альмы оказался заразительным – я встала, горя желанием наконец-то оказаться в Молеоне.

Однако впереди нас ждала самая сложная часть пути. Об этом нас предупреждали те, кто уже бывал здесь. Пограничный переход в Белагуа охраняли жандармы гражданской гвардии. Чтобы избежать встречи с ними, нужно было пройти неприметным, но более опасным путем.

В полумраке осеннего утра вдоль ущелья образовалась длинная цепочка. Тропинка была узкой, и по ней друг за другом двигались маленькие, хрупкие фигурки ласточек, сгибаясь от ветра. Пытаясь защититься от его резких порывов, я пристроилась за Паскуалем. Пастух время от времени оборачивался, проверяя, не отстали ли мы. Я робко улыбнулась ему, дрожа под плащом. Моя нога весила целую тонну.

– На испанской стороне дорога плохая, – крикнула Кармен, – но на французской еще хуже!

Тяжелые узлы оттягивали руки; дорога, покрытая снегом, шла у самого обрыва. В тумане не удавалось разглядеть ничего дальше метра от края. Над нашими головами кружили орлы – так близко, что мы могли дотронуться до них.

Мы долго шли молча. Вереница ласточек напоминала нитку бус из черного жемчуга. Держась руками за скалу, а иногда друг за друга, мы упрямо и сосредоточенно продви-

гались вперед. Внезапно Паскуаль остановился, оглядываясь по сторонам. На вершинах сгущались черные тучи.

– Надо найти укрытие! – крикнул он, придерживая шляпу.

Я смотрела на горы сквозь завесу дождя, хлеставшего по деревьям. Отвесная скала, несколько одиноких елей. И темное небо, почти поглотившее нас.

– Где? – прокричала я.

Порыв ветра унес мой вопрос. Раздался раскат грома, эхом отозвавшийся в горах. Вспыхнула молния.

Паскуаль указал на что-то похожее на овчарню. Я обернулась к Альме, державшей меня за руку. Дождь усиливался. Мы побежали, держа узелки с поклажей над головами и стараясь не поскользнуться, косы развевались по ветру. Я злилась на свою ногу, сковывающую движения. Узкая дорога вела вниз по краю ущелья, скользкий гравий замедлял наш спуск.

Я остановилась, чтобы отдышаться. Стоявший внизу Паскуаль махал рукой, подгоняя нас. Торопясь добраться до него, я отпустила руку сестры. Внезапно небо рассекла молния, раздался адский грохот. От скалы откололся огромный кусок, с треском посыпались камни, подняв столб пыли. Перепуганные ласточки замерли как раз в тот момент, когда перед ними разверзлась бездна. Все, кроме одной. Альма вскрикнула, потеряв равновесие из-за своей поклажи. Ее рука тщетно искала опору.

И она исчезла, канув в пустоту.

4

– Ну, давай же, Роза! Двигайся, умоляю! – крикнул Паскуаль, крепко прижимая меня к себе.

Я превратилась в один бесконечный крик. Мое тело оцепенело. Застыло в ужасе, который больше никогда не покидал меня, из-за которого я до сих пор, много лет спустя, просыпаюсь по ночам от ветра, бьющегося в ставни.

Ласточки в оцепенении столпились на краю пропасти. Прижимаясь друг к другу, безутешно рыдая, они заглядывали вниз и выкрикивали ее имя: «Альма! Альма!» Ветер трепал их длинные юбки.

Паскуаль взвалил меня на спину. Он держал меня так крепко, что я не могла пошевелиться. Я больше не думала ни о путешествии, ни о Молеоне, ни об Абуэле. Я тоже только что умерла где-то здесь, в этих горах. Я кричала от ужаса. Тянулась всем телом к пустоте, поглотившей мою сестру и зовущей меня за ней вслед.

Необъятная пустота.

Незаполнимая.

5

Я не увидела города, притаившегося в долине. Не разглядела церкви с колокольной, реки, мостов, деревянных домов. Не почувствовала запаха свежего хлеба, когда ласточки проходили по главной улице. Не слышала ни стука копыт, ни прерывистого скрипа телеги, которая везла нас в наш новый дом.

Когда мы приехали, мое бесчувственное тело положили на кровать. Окутали шерстяными покрывалами, молитвами и четками. Я была так бледна, что поначалу в суматохе именно меня посчитали погибшей в горах.

Что, вероятно, отчасти было правдой.

6

Однажды утром дверь комнаты открылась, и на пороге появилась маленькая девочка с миской дымящегося супа. Она шла медленно, не отрывая взгляда от миски, боясь расплескать ее содержимое.

– Ты должна поесть, – сказала она своим детским голоском.

Был День Всех Святых, и за окном звонили колокола, отдавая дань памяти умершим. С тех пор как я покинула свою деревню, прошел уже целый месяц.

– Попробуй, это вкусно. Мама приготовила его для тебя.

Я разглядывала малышку, смотревшую на меня в полумраке. Озорные глаза, веснушки на носу. Одета в шерстяное платье с фартуком, на ногах деревянные сабо. Интересно, сколько ей лет? Она наблюдала за мной, спрятав руки за спиной, со смесью страха и любопытства.

– Хочешь посмотреть Гаспара? – спросила она вдруг, упредев руки в бока.

И, не дожидаясь ответа, выбежала из комнаты. Я закрыла глаза.

Альма. Горы. Дождь. Эта сцена вновь и вновь прокручивалась в моей голове. Я могла бы умереть здесь и сейчас, думала я. И от этого ничего бы не изменилось.

Вдруг послышался чудовищный грохот, и девочка – позже

я узнала, что ее зовут Жанетта, – вернулась, таща за собой что-то на веревке. Огромное розовое существо с хрюканьем сбило ее с ног. Чудовище ворвалось в комнату, стало рыскать в темноте, тычась повсюду огромным рылом, и в конце концов засунуло его в мою миску. Ошеломленная, я уставилась на него круглыми глазами. Жанетта, сидя на полу, заливалась смехом. Свинья обнюхала простыни, мои волосы, мои ноги. Теперь мы уже хохотали вдвоем. Я смеялась до слез, испытывая странную смесь печали и нервного веселья.

Этот смех удивил Кармен, вошедшую в комнату.

– Как ты себя чувствуешь?

Я промолчала. Что я могла ей сказать? Я больше ничего не хотела, ничего не чувствовала, не знала, зачем я здесь. А главное, я убила свою сестру.

– Вставай, – сказала она.

Я с опаской откинула одеяло. Подошел Гаспар – огромный, неуклюжий – и уставился на меня своими маленькими черными глазками. Это выглядело странно – казалось, животное подбадривало меня. Я поймала взгляд Жанетты и попыталась встать, но моя хромая нога, еще слабая, подвела меня. Пошатнувшись, я упала на пол. Девочка бросилась мне на помощь.

Кармен швырнула на кровать черное платье, платок и фартук.

– Заплети косы. Нас ждут в мастерской.

Когда я вышла из дома, у меня немного закружилась голова. Вдали виднелись горы.

По телу пробежала дрожь. *Альма, где ты?*

А Абуэла? Ей кто-нибудь сообщил? Нужно ли ей написать? Кто прочтет ей мое письмо? И как его послать?

– Давай скорее! Еще опоздаем из-за тебя! – сказала Кармен, и небольшая группа ласточек двинулась в путь.

В этом доме нас жило шестеро. Смерть Альмы не сблизила нас, просто их неприязнь сменилась безразличием. Я не могла их винить. Я не заслуживала сочувствия. Ни их, ни чьего-либо еще.

Девушки были в хорошем настроении, непринужденно болтали между собой, словно трагедии, разыгравшейся в горах месяц назад, никогда и не было. Все их разговоры крутились вокруг мастерской. Говорили о зарплате, которую скоро должны выдать, и конечно же, снова и снова – о приданом.

– Тебе восемнадцать, не забывай, – сказала Кармен.

Кто же в это поверит? В черном платье я выглядела совсем крошечной, но кивнула, не желая ей перечить. Мне хотелось, чтобы она обняла меня, погладила по голове, утешила. Но Кармен просто проверила, чистые ли у меня руки. Я заметила, что она поправилась. Ее грудь, на которую падали длинные косы, туго перетянутые черными лентами, каза-

лась тяжелей, чем раньше.

Мы дошли до центра города. Велосипеды, конные экипажи и повозки, запряженные коровами, пытались пробиться сквозь толпу, заполонившую тротуары. Сотни рабочих, в основном женщины, стекались к мастерским.

На дворе были двадцатые годы, золотой век эспадрилей. Представь себе, Лиз, тысячи рабочих в этом захолустном баскском городке. Работа была везде и для всех.

Вдруг раздался гудок. Все головы повернулись в сторону сверкающего чудища. Я застыла на месте. *Что это еще за штуковина?* Кармен подтолкнула меня локтем.

– Закрой рот, ты похожа на рыбу, вытасченную из воды!

За рулем сидел лысеющий мужчина с пышными усами и сигарой в зубах.

– Это автомобиль, – бросила мне Кармен в ответ на мой немой вопрос. – А он – хозяин мастерской.

Меня подтолкнули, и я снова зашагала. Мы влились в толпу, которая направлялась к реке. Там, в конце улицы, располагалось огромное здание. Я никогда не видела ничего подобного. Даже церковь в моей деревне не могла с ним сравниться. Я-то представляла себе обычную швейную мастерскую! *Боже мой!* На фронте огромными буквами было написано: «ГЕРРЕРО».

Лестничный пролет. Просторный зал с высокими круглыми окнами. Пахло джутом, тканью и потом. Но еще больше, чем запах, меня удивил шум. Что-то гудело и скрежетало,

казалось, какой-то великан полощет свою глотку.

Через всю комнату тянулись два стола. С каждой стороны десятки рабочих. Справа местные женщины – высокие шиньоны и светлые блузы, – работавшие на швейных машинках. Слева ласточки – косы и черные платья – с иглами в руках. В общем гаме переплетались баскский, испанский и французский языки.

Кармен подошла к мужчине, который наблюдал за работницами, скрестив руки. Маленький, круглолицый, с жирной кожей, он был одет в рубашку на пуговицах, обтягивавшую выпирающий живот, на голове был черный берет. *Санчо Панса, толстый простоватый спутник Дон Кихота!* Я вдруг вспомнила об Альме, которая познакомила меня с этим героем. Я снова увидела ее улыбку, наш дом, морщинистое лицо Абуэлы, и у меня внутри все сжалось.

– Здравствуйте, месье, – сказала Кармен с невероятным почтением в голосе. Я и не подозревала, что она способна на такое. – Это Роза да Фаго. Где ей можно устроиться?

Санчо, нахмурившись, уставился на меня.

– Почему ты явилась только сейчас? Ты сестра той девчонки, что погибла в горах?

Ком в горле не дал мне ответить. Он рассматривал меня своими темными глазами, поглаживая усы.

– Лет-то тебе сколько?

– Восемнадцать, – ответила Кармен, не дожидаясь, пока я снова обрету голос.

Молчание. Бригадир не был дураком. Он колебался. На фабрике работали сотни женщин, но их все равно не хватало. В этом году нужно будет произвести двести пятьдесят тысяч пар эспадрилей. А в то самое утро он как раз получил большой заказ с шахты на севере Франции. Там рабочие изнашивали по паре в неделю.

Он снова окинул меня взглядом. Бледная и тщедушная, я походила на олененка. Что я собиралась производить этими крошечными ручками?

– Покажи ей, что к чему, и поглядим, что у нее получится, – пробурчал он в конце концов.

Кармен взяла дюжину подошв и села на свое место. Позади нее громоздились огромные рулоны полотна. Казалось, что девушки вот-вот утонут в море ткани.

Испанкам платили сдельно. Восемь су за упаковку из пяти дюжин эспадрилей. Нельзя было терять ни минуты.

8

– Вот это подошва, – объяснила мне Кармен, беря в руки джутовую плетенку. – Их делают в другой части фабрики. Мы здесь добавляем верх из парусины. Верхняя часть называется союзка.

Быстрая речь, отточенные движения. Я сосредоточенно пыталась все запомнить. Особенно названия. Хоть я и знала язык, эти термины были для меня новыми. *Плетенка. Парусина. Союзка.*

– Полотно выдает один из работников, – указала она на узкие полоски ткани. – Все отсортировано по размерам. Смотри, не перепутай!

Я сглотнула. Гул давил на меня, я боялась ее подвести, я уже не была уверена, что мне вообще следует быть здесь. С другого конца комнаты за нами наблюдал Санчо.

– Ты будешь сборщицей, как я.

Она взяла специальную плашку, похожую на толстую перчатку, прикрывающую ладонь, и большую иглу.

– А другие? – спросила я, не сводя глаз с черных блестящих чудовищ, издающих адский шум.

– Сшивальщицы.

Мне дали самую тяжелую работу. Ту, что оставляли для испанок.

– Начинаешь сбоку. Работаете маленькими плотными

стежками. Двигаешься к носку, делаешь складку, укрепляешь, затем переходишь к пятке. Носок и пятка.

В ее ловких руках ткань обернулась вокруг подошвы и прикрепилась к джуту. Подошва превратилась в обувь.

– Носок и пятка, – повторила она.

Я в восхищении наблюдала за ней. Ее руки порхали вокруг плетенки. Их движения завораживали. Кармен указала на пару подошв.

– Теперь ты.

Уже?

– Я не...

Кармен бросила на меня взгляд, не допускающий возражений. Затем снова погрузилась в работу.

Как мне справиться с этим? Как выдержать ритм? Я даже пуговицы пришить не могла! В деревне всем занимались Альма и Абуэла. Я рассчитывала на помощь сестры, на ее терпеливые объяснения, на взрывы смеха и поддержку. И еще Санчо Панса, он не спускал с нас глаз! Что будет, если я ошибусь? Меня отправят обратно в Испанию, совсем одну?

Я искала глазами дверь. Горы тканей тут и там, везде. Обрывы, ущелья. Кружащиеся орлы. Скала. Снег. Порыв ветра.

Крик падающей Альмы.

Я задышалась.

Кармен схватила меня за руку и силой усадила на стул. Пристально посмотрела мне в глаза.

– Я за тебя отвечаю. Держи себя в руках и не создавай

проблем.

Прозвучал удар колокола. Одна за другой машины остановились. Вокруг расстиралось море ткани. Едва сдерживая крик боли, я распрямила свое зажатое между столом и скамейкой тело. Больная нога затекла. После нескольких часов неподвижности я едва могла ею шевельнуть. Я захромала, спеша присоединиться к потоку темноволосых работниц, который устремился к выходу.

За день мне удалось сшить пять пар. Из них только тригодились на продажу. Мне казалось, меня избили колотушкой, которой Абуэла отбивает простыни при стирке.

В одно мгновение главную улицу заполонили толпы рабочих, хлынувших на тротуары. Кармен решительным шагом направилась к булочной. Я едва поспевала за ней.

– Пошевеливайся, не то придется часами в очереди стоять!

Внутри были разложены золотистые багеты, хрустящая выпечка, воздушные пирожные, увенчанные облачками крема. Восхитительно.

– Один хлеб, – попросила Кармен. – На линейку.

Булочница протянула ей огромный четырехкилограммовый каравай. Затем сделала ножом насечку на деревянной линейке. Кармен расплатится в воскресенье, после получки.

Какой-то мальчуган, спрятавшись за юбку матери, стал

показывать на меня пальцем. Потом он схватил ленту, вплетенную в мою косу, и дернул. Я вскипела.

– *Hijo de... Сукин сы...*

– Оставь его! – Кармен прервала цветистый поток брани на испанском, готовый сорваться с моих губ. Может, я и была юной девушкой, но мой запас ругательств заставил бы покраснеть любого священника.

– Следующий! – крикнула булочница.

Я бессильно стиснула зубы. Нам еще нужно было добратся до верхней части города. На фоне серого неба вырисовывались темные очертания гор. Я отвела глаза. В горле все еще стоял ком, готовый вырваться в любой момент. Что меня здесь ждет?

– Роза! Роза!

Мне на шею бросилась Жанетта. На ее щеках горел румянец, пальцы были покрыты чернилами. За ней шла пожилая женщина с книгой в руках. Седые, как снег, волосы, живые, приветливые глаза. *Абуэла*.

– Мадемуазель Тереза, это Роза! Она у нас живет! – выпалила малышка по-французски.

Я ничего не поняла и опустила голову, чувствуя себя неловко. Учительница разглядывала меня сквозь очки.

– Как тебя зовут? – спросила она по-баскски.

Я взглянула на книгу в ее руке. На обложке – девочка и волк. Таковую же книгу унесла с собой Альма. Знак? Должно быть, мое лицо просветлело, потому что учительница спро-

сила:

– Ты умеешь читать?

Я посмотрела на нее, не желая отвечать, я просто хотела, чтобы она продолжала говорить. У нее был мягкий, успокаивающий голос, четкое произношение. Но Кармен уже дергала меня, ей не терпелось вернуться домой. Я кивнула женщине и нырнула в переулок, Жанетта следовала за мной по пятам.

Мы жили вшестером в так называемом доме испанок. У хозяина фабрики был договор с родителями Жанетты, которые, как и многие в Молеоне, селили у себя ласточек, чтобы немного подзаработать.

Комнатка под крышей с тремя кроватями. Ведро, стол, на котором стоит подсвечник. Возле очага расставлены по кругу маленькие табуретки. Приятно пахнет дровами, луком и супом.

Ласточки щебетали, но их лица выглядели осунувшимися. Дни были долгими. С семи утра до семи вечера. Шесть дней в неделю. А большинство девушек еще и дополнительно подрабатывали по вечерам. Тринадцатилетняя Амелия ходила по домам натирать полы. Шестнадцатилетняя Мария стала прачкой. Пятнадцатилетняя Маделон – уборщицей. Каждая занималась своим делом, но одно правило было общим для всех: соглашаться на любую работу и никогда не жаловаться.

Я смотрела на них, таких маленьких и хрупких в свете пламени очага. Некоторые были очень красивы. Намного красивее меня с моей кривой ногой и детской фигуркой. Девушки из Молеона завидовали волосам испанок – пышным, блестящим, иссиня-черным, разделенным пробором посередине. Мои соседки смазывали их перед сном костным жи-

ром, словно бриолином. Я неуклюже пыталась им подражать.

После ужина ласточки, не мешкая, нырнули в постели. Я была вконец измотана.

Первый день выжал из меня те крохи сил, которые еще оставались после гор.

Я дрожала под тонким одеялом, которое делила с двумя другими девушками.

Что ждет меня здесь?

Я и представить не могла, что останусь во Франции одна, без сестры. Кто позаботится обо мне? Кармен? Хотелось, чтобы кто-то меня обнял, успокоил. Я бы все отдала, лишь бы прижаться к Абуэле. Мне так ее не хватало. Но как вернуться в Испанию? Кто проведет меня обратно? При мысли о том, что придется снова пересекать горы, ущелье, Чертов мост, тени вокруг будто вцепились в меня когтями, сердце заколотилось. Я сжалась в комочек, слезы капали на простыни. Сложив руки, я стала беззвучно молиться. *Господи, прошу тебя, верни меня домой.* Я закрыла глаза, плотно сжав веки. Я повторяла себе, что, когда открою их снова, все это окажется дурным сном. *Господи, смилуйся надо мной.* Крик Альмы пронзил мой мозг. Я открыла глаза, задыхаясь, даваясь рыданиями и пытаюсь заглушить их, уткнувшись в шерстяной матрас.

– Роза!

Я вздрогнула. Попыталась успокоиться, но тело не подчи-

нялось мне, оно продолжало содрогаться от всхлипов.

– Роза, надо спать.

Кармен шептала мне с другого конца комнаты. Я слушала не шевелясь, следя за каждым движением. В очаге еще тлели угли. Я хотела, чтобы она забралась ко мне под одеяло, обняла меня и прошептала что-нибудь на ухо, как делала Альма, когда мне снился страшный сон. Я колебалась, мне хотелось подойти к ней. Но комната выглядела огромной, казалось, стоит мне только поставить на пол ногу, ее схватит когтистая рука и...

– Роза, тебе придется остаться здесь. До весны ты не найдешь никого, кто проводил бы тебя в Испанию. Роза, ты меня слышишь? Нужно работать, тогда ты сможешь привезти деньги Абуэле.

Я заплакала еще сильнее, на этот раз беззвучно. Одного упоминания Абуэлы было достаточно, чтобы мне стало в два раза хуже.

Тогда Кармен все-таки встала с кровати. Я услышала ее шаги по полу. Почувствовала ее дыхание у моего лица. Я представила себе, что это Альма.

– Ну все, хватит уже! Я спать хочу, а ты шумишь. Представь, что бы подумала твоя сестра, если бы увидела тебя в таком виде. Не позорь ее!

Я закусила губу, пытаюсь подавить рыдания. Все напрасно.

– Это я во всем виновата! Я настояла, чтобы мы отправились сюда! Она не хотела! Она умерла из-за меня!

Я вся превратилась в бесконечный жалобный стон.
Но Кармен не собиралась меня утешать.

– И твои слезы ее не вернут! Спи давай. Завтра будет новый день.

Прошла неделя с тех пор, как я начала работать в мастерской. Движения мои стали точнее, я шила все быстрее и быстрее. В полдень сотни таких, как я, толпились у больших ворот, стремясь в город на обед. Кукурузные лепешки, немного сала или соленой трески, по праздникам яйца. Дни были тяжелыми и заканчивались неизменными разговорами о любви у горящего очага. Одни мечтали о женихе там, в Испании, другие с интересом поглядывали на французских рабочих. Мне же каждую ночь снились кошмары. Накануне у изножья моей кровати присела Альма. Я позвала ее, сердце мое колотилось. Где взять сил, как дальше жить? Она долго смотрела на меня и улыбалась. Я погладила ее руку. Пальцы ощутили что-то странное, похожее на мех. В следующий миг ее уже не было.

Наконец, наступил день зарплаты. Девушки терпеливо выстроились в очередь перед конторкой. Когда дело дошло до меня, Санчо, упираясь животом в стол, протянул мне несколько монет и махнул рукой.

– Следующая!

Кармен шагнула вперед.

– Не хватает двух су.

– Всего тут хватает. Она новенькая, шьет медленно и работает хуже других.

Кармен не сдвинулась с места.

– Что-то не так? – недовольно спросил он.

– Она сшила вдвое больше, чем вы оплатили.

Глаза ласточки блестели в полумраке мастерской.

– Следующий! – крикнул Санчо.

Мы долго ждали на улице. Кармен, похоже, не собиралась так это оставлять. Я восхищалась ее решительностью и втайне хотела быть похожей на нее.

Кармен беспокоилась о моем заработке. С самого начала я жила в долг. Еда, жильё, отопление. За меня платили другие. И хотели вернуть свои деньги. Наконец мастерская опустела.

– Жди меня здесь, – приказала она.

Я села на камень. Ледяной порыв ветра пробрался мне под платье. Я поплотнее закуталась в шаль.

– В Испании так же холодно?

Позади меня стояла, улыбаясь, старая учительница с седыми волосами в плотной накидке.

– По вечерам я даю уроки французского языка, – указала она на школу, стоящую чуть поодаль. – Приходи, буду очень рада.

Я замешкалась, не зная, что ответить. Зачем это мне? Чтение любила Альма. А мне нравилось рисовать.

– Держи, это тебе.

Учительница достала из портфеля книгу с картинками и протянула ее мне. На каждой странице – французское слово и рисунок акварелью. *Корова. Помидор. Стул. Облако.*

– Спасибо.

– У меня есть и другие, они тебе понравятся.

Мадемуазель Тереза попрощалась со мной и ушла. Я принялась рассматривать рисунки в пастельных тонах, наивные и жизнерадостные. Не знаю почему, но эта книга подняла мне настроение.

Вдруг послышалось мяуканье. Слабый, пронзительный писк. Я огляделась по сторонам – какие-то пучки травы, старая тачка. Я подошла поближе. Под колесом притаился котенок. Такой черный, что я не сразу его разглядела. В темноте светились два маленьких золотистых глаза. Я присела, осторожно притянула котенка к себе и кончиками пальцев погладила маленькую головку. Он жалобно мяукнул.

– Проголодался, да?

Котенок цапнул меня за палец своими крошечными зубками. Он был таким тощим, что можно было пересчитать его ребра. Я осмотрела его меховые лапки, нежные подушечки, розовый нос, блестящие глаза, уши... Боже мой, одного не хватало! Котенок смотрел на меня, склонив голову набок, словно спрашивая: «Ну и как я тебе?» Несмотря на увечье, усы придавали ему достойный вид. Он был похож на рыцаря в начищенных доспехах. Нетвердо стоящего на лапах, но все-таки рыцаря. Я вспомнила гравюру, украшавшую нашу классную комнату в Испании. Долговязый всадник на лошади, с копьем в руке, а рядом, на осле, его пузатый спутник. А эти лихие торчащие усы меня просто очаровали. «Дон Ки-

хот Ламанчский! Вот как я тебя назову!» Я осторожно почесала ему шейку. Котенок замурлыкал.

Я рассмеялась при мысли об этом идиоте Санчо, представив, как он разъезжает по мастерской на своем муле, и вдруг поняла, что Кармен так и не вернулась. Сунув котенка за пазуху, я быстро, прыгая через ступеньки, взбежала по лестнице. В мастерской стояла крошечная тьма. Я различила силуэт ласточки. Она пыталась вырваться из коротких пухлых рук, сжимавших ее запястья. Хищный рот впивался ей в шею.

– Выходи за меня... – раздался хриплый голос.

– Отпустите ее!

Я бросилась на обидчика, впиваясь зубами в его руку. Раздался крик, за ним последовала тяжелая оплеуха, сбившая меня с ног. Кармен подняла меня и потащила к выходу.

– Грязные испанки! – заорал нам вслед Санчо. – Толстая и хромая, толку от вас никакого!

Дни проходили в мастерской и дома. Ласточки с радостным нетерпением ожидали рождественской мессы, праздничных украшений и красочных вертепов. Дон Кихот набрал вес. Он оказался пугливым и не сходил с моих колен. Я кормила его молоком и кусочками сушеной трески. Днем, в мастерской, он прятался у меня за пазухой.

Тремя днями ранее я впервые пришла на занятия к мадемуазель Терезе. Я скучала по Абуэле и подсознательно тянулась к пожилой женщине. Когда я постучала в дверь, учительница выводила на доске завтрашнее число. Она улыбнулась и предложила мне сесть. Кроме меня в классе никого не было, пахло мелом и воском. Очевидно, уроки французского не пользовались большой популярностью. Я не сказала ни слова. Она начала читать мне, переводя отдельные фразы и наблюдая за мной через круглые очки. На стене висел рисунок с изображением девочки и волка. Здесь, среди книг, я чувствовала спокойствие и могла перевести дух.

Когда я вернулась, Кармен смерила меня недобрым взглядом.

– Ты где была? – спросила она.

Я что-то промямлила. Показала книгу под мышкой. Это книга Жанетты. Она ее забыла, и... Кармен не сводила с меня глаз.

– Не забывай, кто ты, Роза. И кто протянул тебе руку помощи.

Я быстро закивала. Кармен была самой старшей. Самой опытной. Ее нужно было слушаться. Испанки здесь ради работы. А не для того, чтобы якшаться с француженками, в то время как остальные стирают этим француженкам трусы.

Но меня уже было не остановить. Каждый вечер, не обращая внимания на девичью болтовню, я молча просматривала очередной урок. *Корова. Помидор. Облако.* Старалась не отвлекаться на шум. *Приданое. Кружева. Свадьба.* Эти слова меня не интересовали. *У меня есть. У тебя есть. У него есть.* Я быстро училась. Уроки занимали мою голову. Отвлекали от мыслей об Альме.

И вот как-то вечером непривычная тишина выдернула меня из этих размышлений. *Цыган. Цыпочки. Цыпленок.* Что-то было не так. *Оловянный. Деревянный. Стеклоанный.* Девушки смеялись меньше обычного или это строгий вид Кармен нагонял тоску? Она выглядела очень напряженной. Колокола церкви пробили восемь. Девушки стали готовиться ко сну.

Мы спали по трое, валетом. Убрал остатки ужина и умывшись, мы задули свечу. Через несколько минут в темноте слышалось похрапывание.

А в моей голове продолжали крутиться одни и те же вопросы: сколько я смогу накопить к весне? Хватит ли этих денег нам с Абуэлой до следующей осени? Конечно нет, ес-

ли этот проклятый Санчо так и будет платить мне меньше, чем остальным! И как выдержать еще шесть долгих месяцев работы, постоянно сидя в неудобной позе? Каждый вечер я массировала свою ногу, но она все равно стала заметно менее подвижной, чем раньше. Один вопрос волновал меня особенно сильно: хватит ли мне смелости снова пересечь горы весной? От воспоминания об Альме, сорвавшейся в пропасть, щемило в груди.

Вдруг скрипнула дверь. Я открыла глаза. Темная фигура накинула плащ и вышла на лестницу. *Кто это? Куда она направилась?* В лунном свете я узнала Кармен и на секунду заколебалась.

Мы больше не говорили о том, что произошло тогда в мастерской. Первая зарплата. Санчо. Кармен просто отчитала меня и запретила впредь вмешиваться в ее дела. Но в тот вечер что-то заставило меня пойти за ней – то ли ее забота обо мне в последнее время, то ли мой уже успевший проявить себя характер. В следующее мгновение я оказалась на улице. В ту же секунду Кармен скрылась за углом.

Я поспешила следом, стараясь быть как можно более незаметной. Дошла до церкви, но там никого не было.

– Зачем ты следишь за мной?

Я вскрикнула, хватаясь за сердце.

– Да заткнись ты! – рявкнула Кармен.

Она дрожала.

– Поклянись, что будешь молчать.

– Клянусь!

Лиз, в тот момент мое сердце так бешено колотилось, что я готова была поклясться в чем угодно, лишь бы она проводила меня обратно. Кармен пристально на меня смотрела. Внутри нее шла борьба. Можно ли ей взять меня с собой? В ее глазах я увидела такой же горделивый взгляд, что и тогда в мастерской, в тот день когда Санчо хватал ее своими руками. По ее щеке скатилась слеза.

– Это было всего один раз, с Луисом! В последний вечер в деревне! Он обещал, что будет меня ждать...

Она разрыдалась. О чем это она? Я пыталась ее утешить. Мы двинулись дальше. Ночь была темной, переулки сырими. Я замерзла.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем мы остановились перед узким домом, освещенным фонарем. Кармен глубоко вздохнула и тихонько постучала три раза. Дверь открылась. Темнота поглотила нас.

Я не помню ни адреса, ни сказанных там слов.

Только кровь, крики и вязальные спицы.

В мастерскую Кармен вернулась, немного прихрамывая. Когда она снимала свой плащ у входа, Санчо буквально раздевал ее глазами, не подозревая о драме, которая разыгралась неделей ранее.

Жизнь потекла в обычном ритме, который задавали шум швейных машин, звон колоколов и мессы. Не было произнесено ни слова. Ни мною, ни Кармен, которая до конца своих дней будет делать вид, что этих событий никогда не было.

Во время ее короткого недомогания, мы с девушками работали вдвое больше, чтобы компенсировать ее отсутствие. Теперь я шила не хуже остальных. Плетенка, союзка, носок, пятка. День и ночь я думала о своем возвращении. Мысли об Альме не отступали, и я вкладывала весь свой гнев в иглу, которая без устали пронзала джут.

К счастью, уроки, которые мадемуазель Тереза давала мне после работы, скрашивали даже самые утомительные дни. Я делала успехи во французском и теперь могла помогать Жанетте с уроками. В обеденный перерыв я погружалась в чтение простых книжек, подобранных для меня учительницей. Сказки Перро. Басни Лафонтена. О мадемуазель Терезе я знала не так уж много: духи, которые она предпочитала (жасмин и флердоранж), бережное отношение к книгам (запрещалось загибать уголки страниц), изящный почерк, при-

страстие к черному чаю (без сахара, без молока) и любовь к кошкам (она была единственной, помимо меня, кому Дон Кихот позволял себя гладить, и это вызывало у меня небольшую ревность, сама не знаю почему).

Однажды утром в мастерской рядом со мной села французенка. Я думала, она ошиблась. Обычно испанки и местные женщины сидели отдельно.

Тонкий нос, зеленые миндалевидные глаза, высокие выразительные скулы. На щеке родинка. Шиньон из светлых волос валиком уложен на голове. Тонкую талию и высокую грудь подчеркивало смелое декольте. Какая красота! Я была потрясена.

Она бросила на меня лукавый взгляд.

– Ты новенькая?

Ей было, наверное, лет двадцать. И она обратилась ко мне по-французски.

Я поискала глазами Кармен. Что подумают другие девушки, если я заговорю с местной? Но все были заняты своей работой.

– Твои стежки слишком длинные, – сказала она. – Тебе будут платить больше, если ты станешь лучше работать.

А затем, не дав мне опомниться, она схватила эспадрилью, над которой я работала, и показала, как следует шить. Определенно, эта девушка знала свое дело.

– Ты давно тут работаешь? – спросила я ее вполголоса.

– Нет, всего несколько месяцев. Но я и раньше любила

шить.

Ее глаза вспыхнули темным блеском.

– Я занимаюсь образцами. Шью эспадрильи, которые рассылают, чтобы привлечь новых клиентов. Они должны быть сшиты ровно и аккуратно.

У нее было необычное произношение, забавная манера говорить. Она протыкала подошву огромной иглой, вытягивала нить. Я следила за ловкими движениями ее сильных рук. И не успела я глазом моргнуть, как она уже закончила самую прекрасную пару эспадрильи, которую я когда-либо видела.

– Но, как хорошо известно, лучше всех работают испанки, – добавила она.

Я вернулась к работе, но ей хотелось поговорить.

– Ты живешь в «деревянном городе»¹?

– Нет, в верхнем, – шепнула я. – А ты?

Я украдкой глянула на испанок. Одна из них наблюдала за нами. Я тотчас же опустила голову.

– В Шероте. Знаешь, где это?

Название этой деревушки неподалеку от Молеона было мне смутно знакомо. Я кивнула.

– Да, там живет учительница.

– Я живу вместе с ней. В доме с синими ставнями.

Я удивленно подняла голову.

– Ты живешь с мадемуазель Терезой?

¹ Бедный район города. – *Здесь и далее прим. пер.*

– Да, с ней!

– Это твоя бабушка?

Она уже открыла рот, чтобы ответить, но в этот момент Санчо грохнул кулаком по столу. Я вздрогнула, чуть было не проткнув руку иглой.

– Тихо!

И тут моя соседка положила свою работу на стол. Медленно повернулась к бригадиру и с вызовом посмотрела ему прямо в глаза.

– Нам, месье, платят за каждую пару. А вовсе не за то, чтобы мы молчали.

У меня перехватило дыхание. Глядя на огромный сжатый кулак толстяка, я подумала, что настал ее последний час. Он тарашился на нее целую вечность. Она не опускала глаз. Затем раздался звон колокола. Время обеда.

– До встречи! – бросила она Санчо, вставая и задвигая под стол свой стул.

Так в моей жизни появилась Колетт.

Через несколько дней в зал, где мы работали, ворвалась веселая мелодия – ее принесли тромбон, барабан и труба. При виде этого трио лицо Колетт просияло. Первые же ноты заставили мое сердце биться сильнее. Трое мужчин в беретах с улыбкой переглянулись – женское общество их явно радовало. Самый тощий, с барабаном на животе, запел. В мастерской заиграли улыбки, головы закачались в такт, ботинки начали отбивать ритм. Должно быть, Санчо куда-то позвали, потому что он исчез, и с его уходом начался настоящий праздник. Девушки встали, взяли под руки и пустились в пляс. Платья и косы закружились среди станков. Колетт первой приподняла юбки. Подбадриваемая швеями, она забралась на стол. Девушки разразились радостными возгласами.

– *Vale! Vale!* – кричали испанки.

А француженки скандировали:

– Коко! Коко!

Колетт громко запела, уперев руки в бока. Приятный голос, который все же не мог сравниться со зрелищем ее стройных ног. Вскоре ее задор заразил всю мастерскую. Она наполнилась нашим пением. Всюду слышались смех и одобрительные восклицания. Какое счастье! Мы снова стали беззаботными веселыми девчонками.

Когда вернулся Санчо, веселье сдулось, как опавшее суфле. Но музыка пробудила во мне радость жизни. Вечером я что-то напевала по дороге домой. Дон Кихот бежал за мной по пятам.

Поднимаясь по лестнице в нашу комнату, я услышала всхлипы. Я подумала, что мне это показалось, ведь день был таким веселым. Осторожно толкнув дверь, я увидела Кармен, окруженную ласточками. Ее лицо было искажено горем. *Что случилось?*

– Ты предупредила Луиса? – мягко спросила Амелия. – Я уверена, он будет счастлив!

Кармен покачала головой. По ее смуглым щекам катились слезы.

– Думаешь, он женится на мне, если я вместо приданого вернусь с ребенком?

Я никак не могла взять в толк, о чем речь. Какой ребенок? А потом увидела руку Кармен на животе и побледнела. Значит, в ту ночь спицы не помогли?

Девушки смолкли. Они знали суровые законы мужчин. Чести. Церкви. Я опустилась на колени рядом с Кармен. Что сказать ей в утешение?

– Уверена, это будет чудесный малыш, – прошептала я.

Кармен распрямилась.

– Чудесный малыш! – передразнила она меня.

Ее била дрожь.

– Вы только послушайте ее! Что ты в этом понимаешь?

Дурочка несчастная! Мадам ходит в школу, мадам знает с французженками, и думает, что умнее всех нас, да?

Я покраснела и что-то залепетала, растерявшись от такого внезапного нападения. Кармен обвиняющее наставила на меня палец.

– Это все ты! Ты и твой проклятый черный кот! Это из-за тебя он все еще здесь! – прошипела она, ударив себя по животу. – Ты приносишь несчастья! Сначала Альма погибла, теперь вот я с пузом!

Я уставилась на нее, не веря своим ушам.

– Кто следующая? Ты, Амелия? Или ты, Мария? Кто сегодня ляжет в постель с дьяволом?

Амелия побледнела. Мария сдавленно вскрикнула. Маделон перекрестилась.

– Убирайся! – завизжала Кармен с пеной на губах.

Я попятилась, чуть не упав.

– Убирайся! – кричали остальные, подступая ко мне.

Я скатилась по лестнице. Снаружи – ночь, тени, холод. Я не узнавала улиц, домов. *Куда идти?* Прижимая к груди котенка, я нырнула в переулок. Вытерла рукавом нос и снова зарыдала. А вдруг Кармен права? Что, если все это случилось из-за меня? Я побежала, не обращая внимания на больную ногу. Быстрее, быстрее. Хотелось кричать. Вдруг откуда-то выскочил автомобиль. Раздался визг тормозов. Я застыла в свете фар, сердце бешено колотилось. И побежала дальше.

Я шла очень долго. Через город, по мосту, вдоль реки и по длинной проселочной дороге. До самого Шерота и дома с синими ставнями. Я забарабанила в дверь. Она открылась. При свете свечи лицо учительницы выглядело еще более морщинистым. Сквозь слезы мне казалось, что я вижу Абуэлу. Я разрыдалась.

Мы прошли через одну дверь, потом через другую. Я никогда прежде не видела таких домов. За неприметным фасадом начинался мощный двор, в глубине которого виднелся внушительный особняк, скрытый от посторонних глаз. Посреди двора стояла полуобнаженная каменная женщина с округлыми бедрами. В руках она держала кувшин.

Вся в слезах, я шла следом за учительницей.

Не могу сказать, что произвело на меня самое большое впечатление. Хрустальная люстра с подвесками, бархатные шторы, китайские вазы, канделябры, античные статуэтки на каминной полке, шелковые ковры или рояль.

Колетт увидела меня первой, подбежала и обняла. В воздухе витал запах табака и туалетной воды.

– Что ты здесь делаешь? – спросила она, явно обрадованная моим появлением. На ней был атласный халат, в одной руке она держала бокал шампанского, а в другой сигарету, которую положила, чтобы погладить кота. У диванчика ее ждала женщина постарше с колодой карт в руках. Высокая брюнетка с величественной осанкой, изящными руками, идеальной прической и несколькими морщинками в уголках глаз. Она была похожа на королеву.

– Это Роза, – представила меня мадемуазель Тереза.

Королева устремила на меня взгляд, выпустив облачко

дыма.

– Роза, – продолжила учительница, – это Мари-Клод.

– Вера, – поправила ее та, не сводя с меня глаз.

– Вера, – повторила учительница.

Лиз, я в жизни не видела ничего прекраснее, чем эти две женщины в гостиной. Эта сцена напоминала картину какого-то великого художника. Каждая деталь композиции казалась тщательно продуманной. Ткани, формы, оттенки. Все перекликалось друг с другом в удивительной гармонии. Румянец на щеках был отражением пламени в камине. Зеленые глаза Колетт светились перламутровым блеском, как нитка жемчуга на шее королевы.

Растрепанная, хромая, с опухшими глазами, в поношенном платье, я чувствовала себя уродиной. В этой гостиной все было пропитано изысканностью и негой.

– Не знаю, что тебя сюда привело, но мы тебе рады, – продолжила учительница.

– Спасибо, мадемуазель Тереза, – всхлипнула я.

– Уже поздно, поговорим завтра. Я попрошу Люпена подготовить для тебя комнату.

Она позвонила в серебряный колокольчик, – ах, этот колокольчик, Лиз! – и вошел мужчина с подносом в руке. На подносе стоял восхитительный, потрясающий своей изысканностью чайник.

– Люпен, это Роза.

Я вскрикнула. Думала, умру на месте, так напугало ме-

ня его лицо. Чернее ночи, чернее тени, чернее пропасти, поглотившей Альму. Его ладони были размером с мою голову, а моя голова еле доставала ему до пояса. Гора, скрещенная с деревом какао. Он улыбнулся, обнажив ряд зубов белее молока. А затем потусторонним голосом спросил, не желаю ли я чаю.

Я открыла рот, но не могла издать ни звука.

Колетт расхохоталась, а затем, обняв Люпена, подняла свой бокал.

– За Розу! – сказала она.

Так я попала в дом мадемузелей.

В ту ночь я никак не могла заснуть.

А ведь я впервые спала в кровати одна, не считая Дон Кихота, который свернулся возле меня калачиком. Я никогда не видела такого чистого пола, такого толстого матраса и такого пышного одеяла. Колетт одолжила мне свою ночную рубашку. Тонкая, нежная ткань, расшитая цветами и лентами. Я не смела пошевелиться, боясь помять ее.

Сердце по-прежнему колотилось в моей груди. Чем я так разозлила Кармен? Допустим, приданое не подразумевало ребенка, но меня-то за что прогонять? В чем моя вина? Я не выдала ни одного секрета. Я одна из них, мое место – рядом с ними. Да, я общалась с Колетт и с учительницей, но у меня же не было ничего общего с мадемуазелями.

Я попробовала закрыть глаза. Бесполезно. Перед моим внутренним взором стоял такой яркий образ Колетт и королевы Веры, что даже в полумраке было светло как днем. Была ли мадемуазель Тереза бабушкой Колетт? И кто такая сама Колетт? Время от времени мы с ней перекидывались парой слов в мастерской, но для меня было важнее избежать гнева Санчо, чем узнать, откуда она взялась. По правде говоря, я не знала о ней ничего – только то, что она хорошо шьет и у нее стройные ножки. Блондинка была слишком красива для честной девушки, – подумалось мне на следующий день,

когда я столкнулась с ней, бесстыдно разгуливающей по дому полуодетой. Как сюда попали такая красота и утонченность? Если не считать мастерских по пошиву эспадрилий, Молеон был лишь местом встречи пастухов. Пастбища, коровы, река. А посреди всего этого – скрытые от постороннего взгляда девушка и две старые девы в сопровождении черного как уголь дворецкого ростом с колокольню.

Через некоторое время я узнала историю мадемуазель Веры, которая оказалась далеко не старой девой. Старой, положим, да. Но определенно не безразличной к обществу мужчин, уверяю тебя, Лиз.

– Бер-р-рнадетта!

Я приоткрыла один глаз. На комодe сидел какаду. Красивая белая птица с черным клювом и огромным розовым гребнем, который придавал ему нарядный вид.

– Бер-р-рнадетта! – повторил он, а затем взлетел и уселся на плече у...

Я едва сдержала крик. В изножье моей кровати сидела молодая женщина и смотрела на меня.

– Тише, Гедеон! – приказала она. – Вы разбудите мадемуазель Веру!

Гедеон? Я смущенно натянула на себя одеяло. Дон Кихот пристально наблюдал за птицей.

– Меня зовут Бернадетта. Как святую! – насмешливо добавила она, отдергивая занавески. – А это – виконт Городской гуляка. Для друзей просто Гедеон.

Бернадетта была невысокой плотненькой брюнеткой далеко за двадцать с круглым приветливым лицом. У нее были вздернутый нос и густые брови, а глаза смотрели в разные стороны.

Она распахнула окно, впустив в комнату прохладное осеннее утро, и взяла со стула мое платье. Я испугалась, что виконт воспользуется возможностью упорхнуть, но он, похоже, был полностью поглощен нашим разговором.

– Мадемуазель Тереза сказала, что ты испанка. Ты понимаешь, что я говорю? – четко и громко проговорила Бернадетта.

– Испа-а-а-анка! – крикнул Гедеон.

Я кивнула.

– Ага! Ну я-то против вас ничего не имею, – продолжила она, протягивая мне кувшин с водой и полотенце. Не то что Робер. Робер – это мой муж. Он говорит, что вы лишаете нас работы и чрезмерно шумите.

– Чрезмер-р-р-рно!

– Но ты вроде не похожа на шумную, – добавила она, глядя, как я умываюсь. – Я слышала, ты пришла вчера вечером? Повезло же тебе, что мамзель Тереза открыла, а то обычно сюда никого не допускают. Давай, одевайся! И накинь что-нибудь потеплее! А то туман такой, что воробьи и те пешком ходят.

Я натянула протянутое мне шерстяное платье. Оно было шито намного лучше, чем то, которое она забрала в стирку. И спустилась на первый этаж, где уже собрались хозяйки дома.

Атмосфера была спокойнее, чем вчера вечером, но обстановка в отделанной деревянными панелями столовой – такой же шикарной. Учительница улыбнулась мне, глядя поверх очков. Рядом с ней сидели Колетт с папильотками на голове, уткнувшаяся носом в большую чашку кофе, и великолепная мадемуазель Вера в шелковом халате. Люпен, одетый

в синий полосатый костюм, наполнял вареньем миниатюрные розетки.

Я робко поздоровалась с ними. Застеленный скатертью стол, фарфоровый сервиз, серебряные приборы, хрустальный графин. Здесь что, ждут в гости папу римского? Вновь появилась Бернадетта. В ее руках был поднос, на котором возвышалась чашка горячего шоколада. Прежде мне не доводилось его пробовать, я едва знала, что это такое. Ласточки не тратили времени на завтрак, просто брали с собой яйцо или немного фасоли, чтобы перекусить по дороге в мастерскую. Я поблагодарила ее так, будто для меня это было обычным делом – она наблюдала за мной, и во мне заговорила гордость. *А то еще будет рассказывать своему Роберу, что испанки сплошь дикарки.*

Я села за стол, чувствуя себя крайне неловко – меня пугали все эти штуковины, которым я даже названия не знала. Учительница улыбнулась мне, но я опустила глаза, опасаясь вопроса о причинах моего вчерашнего появления. Ночь прошла слишком быстро, и у меня внутри все сжималось при одной мысли о встрече с Кармен и остальными.

– Граф де Плесси женится! – вдруг воскликнула Колеетт, листавшая газету. – И вы нипочем не отгадаете, кто его невеста!

Люпен и Вера, явно заинтересовавшись, подняли головы. – Жозефи-и-и-и-ина! – ответил Гедеон.

Красавица блондинка бросила в него салфеткой.

– Колетт, откуда у тебя эта газета? – встревожилась учительница. – Я думала, мы договорились, что ты не будешь...

– Люси де Санж! – возбужденно перебила ее Колетт. – А я думала, что она все еще в театре варьете!

Люпен покосился на мадемуазель Веру. Та застыла в напряжении.

– Не хотите ли еще чаю? – поспешила спросить ее Бернадетта.

– Или свежего апельсинового сока? – добавил Люпен.

Мадемуазель Вера отказалась одним взмахом руки и закурила сигарету. К королеве определенно относились с большим почтением.

В гостиной начали бить часы, им тут же стал вторить попугай, так что было невозможно понять, который час. Колетт, заворчав, вышла и через несколько минут вернулась в простом, но идеально сшитом платье. Красивая, как день, который еще не успел начаться.

Я тепло со всеми попрощалась, поблагодарив за прием. Для меня это оказалось приятной передышкой – невероятной, изумительной и немного абсурдной, но мое место было среди ласточек.

Перед домом нас ждала машина. Такой же сверкающий монстр, как у хозяина мастерской, но потрясающего горчично-желтого цвета. Нужно сказать, Лиз, что в те времена у машины были стильными! До сих пор помню тот автомобиль,

его длинный узкий нос, руль из красного дерева, тесные сиденья, пахнущие кожей. Рядом, опершись на капот, стоял невысокий мужчина с приплюснутым носом, зубочисткой во рту и странным шрамом, идущим от глаза к щеке.

– Здравστε! – сказал он, приложив два пальца к кепке, но не снимая ее.

– Привет, Марсель, – ответила Колетт, ставя ногу на подножку.

Он бросил на меня странный взгляд, от которого мне стало не по себе. Замешкавшись, я оглянулась на Люпена, который кивнул мне от порога. Я забралась внутрь, двигатель взревел, и автомобиль тронулся. Должно быть, я выглядела забавно, потому что Колетт сказала:

– Главное – принять беззаботный вид.

Она выставила руку в окно и закурила, так что все могли ею любоваться. Пьянящий аромат ее духов смешивался с запахом мокрой травы и листьев.

– Ну, рассказывай, что у тебя стряслось?

Воспоминания о вчерашнем – взгляд Кармен, ее ярость, ее вопли – сковали меня ледяным холодом. Марсель посмотрел на меня в зеркало заднего вида.

– Испанки меня выгнали, – пролепетала я.

Колетт повернулась ко мне с веселым интересом.

– И дело, конечно, в мужчине?

Еще один быстрый взгляд Марселя. Не дав мне времени ответить, она добавила:

– Дело всегда в мужчине...

Она вздохнула. Мы проехали по главной улице, мимо школы, мимо магазинчика модистики. Пиренеи издали наблюдали за моей первой поездкой в автомобиле.

– А ты как здесь оказалась? – спросила я.

Улица становилась все более шумной и многолюдной. У реки вырисовывались очертания больших складов. Я видела, что Колетт колеблется.

– Я приехала сюда вместе с Верой, когда мне было уже нечего терять.

Взгляд ее устремился вдаль. Она замолчала. Такая неразговорчивость была для нее необычна, и это возбудило мое любопытство. Господи, да что же творится в этом доме? Я хотела докопаться до сути. Мне чудилась какая-то скандальная, пикантная, запретная история.

От дома мадемуазелей до мастерской было не больше трех километров. Я не успела сообразить, как бы я могла вежливо продолжить расспросы, а мы уже приехали. Я смотрела на Колетт, которая непринужденно – в этом у нее был настоящий талант – выходила из машины, и в очередной раз подумала, что это самая потрясающая девушка на свете. Как такая красивая молодая женщина с шофером, горничной, столовым серебром и попугаем оказалась в мастерской?

Марсель пожелал нам хорошего дня как раз в тот момент, когда Кармен и остальные появились из-за угла. Я помахала им рукой. Они сердито посмотрели на мое платье, на маши-

ну. И отвернулись.

Входя в мастерскую, Колетт вздохнула:

– Надеюсь, этот тупой бригадир забыл встать!

Почти все швеи уже были на месте. Санчо с карандашом за ухом осматривал только что доставленные рулоны ткани. Гудели швейные машинки, мелькали шиньоны французенок, молчали ласточки. Кармен.

Я всю ночь думала, что ей сказать, подготовила целую речь. Я собиралась извиниться за все, пусть даже ее обвинения несправедливы. Это не имело значения. Они были мне нужны. У меня здесь не было никого и ничего, кроме них.

– Кармен, прости меня...

Она даже не подняла головы.

– Не смей со мной разговаривать. Даже не подходи, – прошипела она.

Растерявшись, я посмотрела на остальных, ища поддержки. Но все было тщетно.

– Кармен, – настаивала я, – скажи, что я могу сделать.

Мне очень жаль, что ребенок...

Она вскочила. Пощечина обожгла мне щеку. Я вскрикнула.

– Если ты скажешь еще хоть слово, хоть одно, я убью тебя.

Ошеломленная, потерянная, с пылающей щекой, я едва сдерживала слезы. Санчо отвернулся, делая вид, что ничего не замечает. Меня трясло. Мое изгнание из дома испанок было окончательным.

Задыхаясь от волнения, я вернулась на другой конец зала к Колетт. Блондинка успокаивающе положила мне руку на плечо.

– Это у нее пройдет, – сказал она.

Но Колетт ошибалась, сильно ошибалась.

– Добрый день, месье Герреро! – хором закричали работницы.

Хозяин мастерской попросил нас сесть. Вновь загудели машины. Колетт выпрямилась и поправила декольте.

– Любви все возрасты покорны, – игриво промурлыкала она.

С добродушным видом, держа в одной руке трубку, а другую сунув в карман пиджака, хозяин прохаживался вдоль рядов работниц. Санчо шел рядом с ним.

– Мы можем нарастить темпы производства? – спросил он, обеспокоенный постоянно растущим потоком заказов из Франции и Америки.

Бригадир заискивающе залепетал что-то бессвязное, путаясь в словах. Хозяин слушал его вполуха, наблюдая за сосредоточенными девушками, в чьих руках стремительно скользило полотно. Под черными шальями с бахромой двигались худенькие плечи, заставляя покачиваться большие деревянные крестики на груди.

– Знаешь его историю? – спросила меня Колетт.

Я покачала головой.

– Старик начал с нуля. Он проиграл в кости свой билет в Америку, поэтому стал кузнецом. Потом занялся эспадрильями, с одним ослом и тележкой.

– С ослом?

Я подумала об огромном автомобиле.

– Да, с ослом. И вот однажды в море сторел корабль с грузом. Он его выкупил.

– Он выкупил затонувший корабль?

– Ага. Потому что трюм был набит джутом, который был ему нужен для эспадрилий. Он купил его за гроши – страховая компания считала, что весь груз потерян. Но старик знал, что мокрый джут горит плохо. Он все достал, а на прибыль, полученную с эспадрилий из этого джута, купил мастерскую. И посмотри на него теперь...

Она повела подбородком.

– Так что, сколько бы ему ни было лет, мне он нравится.

Мужчина подошел к нам. Колетт встретила с ним взглядом, ее зеленые глаза были полны обещания. Но он повернулся ко мне.

– Знакомое лицо! Это ведь тебя я чуть не задавил прошлой ночью!

Я подняла на него свои большие темные глаза. Девушки, затаив дыхание, украдкой поглядывали на нас.

– Как тебя зовут?

– Роза, месье.

– И ты говоришь по-французски!

Он обернулся к Санчо:

– Не слишком ли она молода для работы?

– Так мы и платим ей соответственно, – похвастал тот.

Колетт сдвинула брови. Как я могла согласиться на...

– А это что? – спросил хозяин, указывая на листок бумаги, торчащий из моего кармана.

У меня перехватило дыхание. Мастерская затихла. Я достала из кармана набросок. На нем были нарисованы эспадрильи, расшитые вишнями. Щиколотку изящно обвивала красная атласная лента. Герреро внимательно изучил рисунок.

– У тебя еще есть?

Я бросила взгляд на Колетт. Та ободряюще кивнула. Я вытащила из кармана дюжину маленьких сложенных бумажек. На некоторых были законченные рисунки, на других – просто наброски: эспадрильи на высокой подошве, вид сбоку, эспадрильи на каблуках. Были и совсем фантастические – с глазами, усами и хвостиком в форме вопросительного знака.

– Это просто для развлечения, я...

Герреро отложил рисунки и, прислонившись спиной к столу, попыхивал трубкой. В клубах дыма кружились пылинки.

– Что бы ты сделала на моем месте?

– Месье?

– Если бы ты была хозяйкой мастерской?

Вопрос меня ошеломил. Он что, смеется надо мной?

Герреро жестом подбодрил меня.

– Итак?

– Месье, у меня в мастерской каждый день играл бы духовой оркестр.

Лицо хозяина просияло, и по залу прокатился его громовой хохот. Швеи переглянулись.

– Оркестр?

Он хлопнул себя по бедру, придя в восторг от такой нелепой идеи.

– Оркестр! – повторил он. – Вот так номер! И зачем же, позволь спросить?

– Под музыку мы бы работали быстрее.

Хозяин замер, опустив трубку.

– Сколько тебе лет?

Я заколебалась. Этот человек был на голову выше Санчо, который, стиснув зубы, внимательно слушал наш разговор.

– Пятнадцать.

– Совсем ребенок. И ты решила заработать на приданое?

– Нет, я здесь из-за бабушки.

Вскинув подбородок, я встретила с ним взглядом.

– Санчо говорит, ты работаешь медленно.

– Неправда!

Я стиснула зубы, мои щеки горели. Герреро не сводил с меня глаз.

– Возвращайся на свое место. Отныне мы будем платить тебе наравне с остальными.

Разговор был окончен.

Девушки вернулись к работе. Я глянула на Кармен.

Сложно было сказать, кто первым снимет с меня шкуру – она или Санчо. И все же узел внутри меня немного ослаб.

Когда я вновь взялась за иглу, хозяин поблагодарил нас и пожелал хорошего дня. А затем добавил, обернувшись ко мне:

– Продолжай рисовать.

В тот вечер я вернулась вместе с Колеетт в дом мадемуазелей. Люпен в безупречном синем костюме, который, похоже, был сшит для него на заказ, тепло поприветствовал меня, будто мое появление было чем-то само собой разумеющимся. Он сообщил, что ужин будет подан в восемь и что меня просят переодеться. В мою комнату принесли платье, не соглашусь ли я его примерить? Я что-то пролепетала, еще не привыкшая к этому гиганту с улыбкой почти такой же широкой, как его ладони.

Колеетт исчезла на лестнице. Дон Кихот выпрыгнул из моих рук и проскользнул между ног Люпена. Огромная мускулистая фигура склонилась над котенком. Синяя гора погладила маленький черный комочек.

– Здравствуйте, месье?..

Люпен вопросительно поднял голову.

– Дон Кихот... Он благородный, – объяснила я.

– Это правда, вид у него очень достойный.

Дон Кихот склонил голову набок – он всегда так делал, когда о нем говорили. Люпен провел большим пальцем по тому месту, где когда-то было ухо, и мой пушистый друг замурлыкал.

Люпен долго гладил котенка, его большие руки нежно скользили по маленькой спинке. Дон Кихот не шевелился,

однако производил шума больше, чем работающий котел. На улице шел дождь. Звук падающих капель. Мягкое тепло, исходящее от печки. Я словно вдруг оказалась внутри мягкого пушистого облака и с трудом подавила зевок. Присутствие Люпена и урчание Дон Кихота действовали на меня как снотворное.

Наконец Люпен выпрямился – нужно было накрывать на стол, разливать вино, играть на пианино – и посмотрел на меня. Точнее, он смотрел *сквозь* меня. Странное ощущение, Лиз, – казалось, его там нет. А потом он наклонил голову, как Дон Кихот несколькими минутами ранее, и спросил:

– Кто такая Альма?

Моя комната была небольшой и просто обставленной, но уютной. Окно выходило в огромный, идеально ухоженный сад. В дверь постучали.

– Ну вот, теперь ты официально принята в нашу компанию! – заявила Колетт с Гедеоном на плече, опускаясь на мою кровать. – И слава Богу! Этому дому не помешает немного свежей крови!

Сидевший у моих ног Дон Кихот уставился на птицу, медленно помахивая хвостом.

*У меня под окнами
Есть дыра огромная.
Я сейчас вам покажу
Эту дырочку мою, –*

запел какаду популярные куплеты, распушив хохолок. Кажется, кто-то завел граммофон. У Гедеона был очень обширный музыкальный репертуар, состоящий исключительно из фривольных песенок. Каждый раз, когда он начинал их исполнять, Бернадетта затыкала уши и клялась, что рано или поздно эта пташка окажется в кастрюле.

– Гедеон, заткнись, пожалуйста! – рассердилась Колетт. На ней было платье на тонких бретельках с египетскими

мотивами, расшитое жемчугом, поверх которого болталось длинное ожерелье-сотуар. Ни дать ни взять белокурая Клеопатра с точеной фигурой и розовыми губами.

– Смотри, что я принесла тебе, Палома!

Я улыбнулась, когда она впервые так меня назвала. Голубка, ласточка – так обращались друг к другу испанки. Наверное, это было одно из тех немногих слов, которые Колеетт знала на моем языке.

Она приложила ко мне прелестное шелковое платье, каких я еще не видела в своей жизни, даже в магазине модистики на центральной улице Молеона. Черное, без рукавов, с расшитым золотой нитью подолом. Свободного покроя, «на подкладке из персикового шифона», как подчеркнула Колеетт.

Она предложила мне раздеться, что я и сделала, смущенно покраснев. Колеетт, рассмеявшись, натянула эту вещицу на меня через голову, а затем отступила на три шага и воскликнула:

– Вот это да!

Через пару минут она вернулась с парой золотистых кожаных туфель самого лучшего качества. Тут раздался бой часов, Гедеон принялся его передразнивать, и я, так и не поняв, который час, спустилась вниз вслед за Колеетт. Туфли были мне велики, я двигалась в них с грацией слоненка и чувствовала себя странно, будто попала на маскарад.

Нас ждал роскошно накрытый стол – льняная скатерть,

серебряные подсвечники, хрустальные графины, свечи, множество столовых приборов и супниц всех видов. Как разобратся во всем этом? Но Вера, в длинном атласном бежевом платье, держащая в руке мундштук того же цвета, уже поднимала бокал шампанского.

– За Розу, которая сегодня присоединяется к нам, – сказала она глубоким голосом. – Добро пожаловать.

Люпен и учительница доброжелательно кивнули, и мои губы впервые встретились с шампанским, начав танец, который, уж можешь мне верить, Лиз, под крышей этого дома больше не прекращался.

Начиная с этого момента мои воспоминания немного размыты. Кажется, Бернадетта приготовила для нас всевозможные деликатесы, Колетт развлекала нас, пародируя девушек из мастерской, а Гедеон комментировал ее выступление. Только одно я помню очень хорошо – свою речь. И огромный энтузиазм, с которым ее произносила.

– Дамы, – начала я, когда с десертом было покончено, – я хотела бы поблагодарить вас...

Я встала, чуть не потеряв равновесие, Люпен подхватил меня, Колетт улыбнулась – начиналось веселье.

– Я не пожелаю злоумышлять вашим костеприимством (тут я порадовалась своему богатому французскому словарному запасу), и я вам обещаю, что не задержимся здесь слишком часто, то есть слишком долго. Я...

– Роза, – остановила меня мадемуазель Тереза, чуть улы-

баясь уголками губ. – Оставайся здесь столько, сколько захочешь. Мы тебе рады. Есть только одно условие: ты продолжишь работать.

Я кивнула, думая об Абуэле, – я помнила о ней всегда, даже когда была насквозь пропитана шампанским. Конечно, я продолжу работать. И через полгода вернусь к ней.

Колетт тихонько рассмеялась, хоть и была явно разочарована тем, что мне не дали продолжить. Пользуясь случаем, она наполнила мой бокал.

– Безделье – мать всех пороков, – добавила учительница, любившая читать лекции и за пределами класса.

Мадемуазель Вера закатила глаза и налила себе еще один бокал.

– Полагаю, все уже все поняли, Тереза, – обронила она между двумя кольцами дыма. Вера изо всех сил старалась вести себя сердечно по отношению к учительнице, но знаешь, Лиз, я никогда не видела таких грандиозных ссор, как в те годы, что провела с ними.

Люпен, который, к своему огорчению, часто был вынужден выступать в роли арбитра, счел момент подходящим, чтобы откупорить новую бутылку – в этом доме, как я вскоре поняла, это было лучшим ответом на все вопросы. Потом мы перешли в гостиную, Люпен играл на пианино, Колетт танцевала...

Одурманенная шампанским, я смогла продержаться глаза открытыми в течение добрых пяти минут, прежде чем по-

грузиться в блаженный сон, населенный женщинами в широкополых шляпах, чувственными египтянками и болтливыми попугаями. Когда две сильные руки опустили меня на постель, я почувствовала себя так, словно вернулась из долгого путешествия.

На следующий день я проснулась с чугунной головой, меня тошнило, а в памяти не осталось ничего, кроме формулы, которую мне нашептала Колетт: «Здесь действуют три правила, Палома: никогда не влюбляться, никогда не уводить чужого мужчину и пить только марочное шампанское».

Из этих трех правил соблюдаться будет лишь одно.

Три женщины и Люпен жили среди растений, книг и подвязок для чулок. Мадемуазель Тереза вставала первой, готовилась к занятиям, проверяла диктанты. Мадемуазель Вера засиживалась до поздней ночи, склонившись над пишущей машинкой в клубах сигаретного дыма. Когда она куда-то отлучалась, я тут же вскакивала со стула, чтобы взглянуть на лист бумаги, заправленный под каретку, всегда один и тот же – безупречно белый, не считая цифры «1», расположенной по центру. Одинокая, прямая, как спичка, эта цифра, казалось, изо всех сил пыталась разжечь творческий потенциал старой девы.

Мадемуазели были совершенно не похожи друг на друга. Мадемуазель Вера была стройной, мадемуазель Тереза – пышной. Одна взбалмошная, другая серьезная. Сколько лет им могло быть? В мои пятнадцать, Лиз, все, кому за сорок, казались антиквариатом. Но мадемуазель Вера выглядела менее *древней*. Возможно, дело было в губной помаде, крашенных волосах или сигаретах, которые она все время курила.

Казалось, эти две женщины знали друг друга всю жизнь. Когда одна начинала фразу, другая торопилась ее закончить. Они постоянно обо всем спорили, приходя к согласию лишь по одному вопросу: как следует заваривать чай. И все же от-

ношения между ними были наполнены той же нежностью, которая связывала меня и Альму.

Мисс Вера заполняла пепельницу окурками, Колетт – гардероб платьями, а мадемуазель Тереза – библиотеку книгами. Я же пользовалась возможностью читать все, что попадалось мне под руку, надеясь, что когда-нибудь тоже смогу курить, не кашляя.

Я смирилась с холодным безразличием Кармен в мастерской, хотя, как ты понимаешь, меня это не радовало. Я была очень счастлива в доме мадемуазелей, но знала, что в конце концов мне, как и всем остальным ласточкам, придется вернуться в родную деревню.

Я много работала и откладывала все заработанные деньги. В обеденный перерыв я читала книги, отобранные для меня мадемуазель Терезой, а иногда, если Колетт настаивала, отправлялась с ней в магазин одежды на главной улице. Там продавали в основном рабочие блузы и фартуки – все же мы были в деревне, – но попадались и товары для богатых горожанок.

Я внимательно рассматривала платья, аксессуары, украшения и обувь хозяйки магазина – как выяснилось, большой поклонницы Роша и Жана Пату (эти парижские кутюрье и парфюмеры были невероятно популярны в те годы). За шитьем мне приходили в голову новые оригинальные модели эспадрилий, с каблучками, вышивкой и лентами. В свободное время я их зарисовывала. Здесь будет атласный бант,

там шнурки, обхватывающие лодыжки. Кроме того, меня вдохновляли чудесные шляпки, которые местные жительницы надевали по воскресеньям.

Но, несмотря на все то время, что я проводила с Колеетт, мне никак не удавалось ее разговорить. Однажды, не выдержав, я пристала с расспросами к Бернадетте. Дело было воскресным утром. Я, единственная во всем доме, готовилась к мессе. Бернадетта возилась на кухне – я же говорила тебе, Лиз, что эта женщина была гениальным кулинаром? – а я завтракала, пытаюсь не обращать внимания на ужасную головную боль. Накануне мы торжественно распаковали чудесный патефон, который Люпен привез неизвестно откуда на день рождения мадемуазель Веры. Бернадетта присоединилась к нам, и по такому случаю мы все принарядились.

– А вот скажи мне, Бернадетта, – начала я, макая хлеб в миску. В отсутствие мадемуазель Веры, которая по воскресеньям обычно не появлялась раньше полудня, великолепие завтрака было сведено к минимуму. Вся эта пышность соблюдалась только ради самой королевы в память о ее лучших годах.

– Чего ты хочешь от Надетты?

Я вытерла молоко с подбородка и на своем лучшем французском спросила:

– Что здесь делают мадемуазель Вера и Колеетт?

Бернадетта, взглянув одним глазом на меня, а другим на стол, снова уткнулась в раковину. Я вскочила со стула

и обхватила ее руками. Ее жилет, застегнутый до самой шеи, благоухал мылом.

– Я обещала никому не рассказывать о том, что здесь происходит! – воскликнула она, чувствуя, что ситуация выходит из-под контроля.

– Ну же, Берни, Колетт не хочет ничего говорить, а мне больше не у кого спросить...

Бернадетта делала вид, что не слышит меня, но, как и все, кто вынужден молчать, она умирала от желания поговорить. Поэтому я добавила:

– А то я скажу мадемуазель Вере, что ты делаешь с Гедеоном в ее отсутствие, чтобы добиться тишины.

Она обернулась, покраснев, как помидор.

– Да чтоб тебя!

Бернадетта устало вытерла руки полотенцем, поставила на стол бутылку и придвинула стул.

– Налей-ка мне! А то у меня голова там, где у кур яйца.

А затем, сделав большой глоток, она начала рассказывать.

– С мамзель Терезой все просто, ее все знали, – объяснила Бернадетта. – Она приехала вместе с мужем еще до войны, никто толком не знает откуда. Разговаривала только с детьми, особенно с самыми бедными, и была похожа на святую, проповедующую с мелом в руке.

Я улыбнулась.

– С муженьком ее ужиться было непросто, он вроде был охоч до женщин, а кое-кто говорит, что и до мужчин... так или иначе, он от нее ушел. Похоже, они...

Бернадетта оглянулась и понизила голос:

– Они *развелись*.

Я потрясенно распахнула глаза. *Развелись?* Бернадетта сокрушенно покачала головой.

В те времена, Лиз, разведенных непременно причисляли к распутным женщинам. Глядя на мадемуазель Терезу с ее белоснежными волосами, длинными плиссированными юбками и блузками, застегнутыми до самого подбородка, в это невозможно было поверить.

Бернадетта поднесла к губам бокал, смахнула со стола несколько крошек и продолжила:

– А дальше, месяцев тому эдак девять, мамзель Вера и Колеетт приехали на ихней машине, с Марселем за рулем. Ей-богу, как сейчас это помню, коровы и те обалдели. Марсель,

конечно, урод, зато женщины так хороши, что и вообразить невозможно. Мужчины начали было свистеть, но угомонились, как только из машины показался Люпен. Старик Пейо поднял крик – решил, что уже помер и видит Сатану!

Она взглянула на часы. У нас еще оставалось немного времени до мессы.

– Они привезли с собой кучу вещей – сундуки, коробки, лампы, мебель, ковры – и купили этот большой дом, а мамзель Тереза поселилась вместе с ними. Три недели кипела работа, обустроивались с размахом. Марсель объявил, что нужны каменщики, маляры, прислуга и что хозяйка отнюдь не скупится при оплате. Через три дня меня взяли на работу. Дом превратился во дворец.

Бернадетта встала, взяла несколько бобовых стручков и стала их лущить.

– Ну, и что дальше? – я ловила каждое ее слово.

– А что дальше? Люпен показал мне, как накрывать на стол, растолковал, какие блюда любит мамзель Вера, и взял с меня страшную клятву, что я не стану болтать о том, что тут происходит.

Я дрожала от волнения. История захватила меня.

– Люпен сказал тебе, зачем они приехали?

– Он сказал, что мамзель Вера получила наследство. Видать, она решила им воспользоваться. И правильно сделала, где это видано, чтобы за катафалком тащили сейф? Колетт искала работу, и я рассказала ей про мастерскую. Был конец

лета, сезон вот-вот должен был начаться.

Я задумчиво отправила в рот кусок хлеба. Взять и приехать сюда жить, надо же! Бернадетта оторвалась от своих бобов, ее глаза заблестели.

– Однажды вечером я слышала, как мамзель Колетт разговаривала с Люпенем о цирке, в котором он раньше работал.

– В цирке? – застыла я с набитым ртом.

– В цирке.

Бернадетта осталась довольна произведенным эффектом.

– Его нашла там мамзель Вера. Он выполнял силовые номера или что-то в этом роде. Мамзель Вера решила, что он очень красивый, и они вместе уехали.

– Даже так?

– Даже так.

Во всем этом не было ни логики, ни смысла. Хотя, если задуматься, этот дом сам по себе напоминал цирк под управлением учительницы и кучки эксцентричных артистов с страстием к бутылке.

Бернадетта помрачнела.

– Мой Робер не хотел, чтобы я здесь работала. Он говорил, что мамзель Колетт чаще ложится в постель, чем коза машет рогами, и что они для меня неподходящая компания.

Наступила тишина. Был слышен лишь звук бобов, падающих в миску.

Бернадетта заговорила о своем замужестве, далеко не сказочном. У старины Робера была тяжелая рука, но кухарке и в

голову не приходило жаловаться. Так уж было заведено, и с этим просто надо было смириться.

Пробили часы, напоминая, что пора отправляться на мес-су.

Рассказ Бернадетты только распалил мое любопытство. Учительница. Мадемуазели. Шампанское и Молеон.

Вскоре я узнаю больше. И поблагодарить за это нужно бу-дет не Бернадетту, а попугая.

В тот вечер я вернулась домой одна. Колетт отправилась на свидание к молодому рабочему с ангельской улыбкой, с которым она уже несколько дней обменивалась многозначительными взглядами. Люпен и мадемуазель Вера поехали на машине к морю, чтобы купить корзину свежих устриц, несколько крабов и ящик «Жюрансона». Мадемуазель Тереза была в школе, Бернадетта – на кухне. Дом казался непривычно тихим.

Я принесла из мастерской несколько подошв, ткань, иголку и нитки. Мне хотелось попробовать сшить эспадрильи по своим рисункам. Начать я собиралась с дерзкой модели в пару к элегантной шляпке, которую я видела накануне во время мессы.

Поскольку руки были заняты, дверь в спальню я открыла толчком бедра. А там были перья – на ковре, на кровати, на комодe. Повсюду перья. Будто кто-то распотрошил пери-ну.

Гедеон.

Я стала звать Дон Кихота, заглянула под кровать, в шкаф. Его нигде не было.

О Господи! Если мой кот навсегда заткнул виконта, нас точно выгонят! Мадемуазель Вера обожала птицу почти так же, как Люпена.

С колотящимся сердцем я двинулась по дорожке из перьев, которая привела меня к лестнице. Верхний этаж был заперт, там никто не жил. Я взлетела по лестнице на чердак и толкнула полуоткрытую дверь. Через люк проникал слабый свет, в его луче танцевали пылинки. Комната была заставлена сундуками, корзинами и шкафами. Полный кавардак.

– На помощь! На помощь! – кричала птица, сидящая на необычном искривленном манекене.

А внизу Дон Кихот с торчащими изо рта перьями, задранный нос, ждал своего часа.

– На помощь! На помощь! – повторял Гедеон.

Бедный виконт утратил все свое величие. Повсюду сквозь остатки перьев просвечивала голая кожа, цел был только хохолок, из-за чего казалось, что на нем надет чепчик. Я взяла его на руки и стала гладить, ругая Дона Кихота, который тут же убежал с разочарованным видом.

– На помощь! На помощь! – продолжал тараторить Гедеон, дрожа в моих руках. Кот напугал его до смерти. Что я скажу мадемуазелям? Я подобрала с пола несколько перышек и попыталась пристроить их в то, что осталось от роскошного наряда попугая, дабы вернуть ему хоть какое-то подобие элегантности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.